

СИБИРИАДА

ВЛАДИМИР
АРСЕНЬЕВ

СКВОЗЬ ТАЙГУ

Сибириада

Владимир Арсеньев

Сквозь тайгу (сборник)

«ВЕЧЕ»

Арсеньев В. К.

Сквозь тайгу (сборник) / В. К. Арсеньев — «ВЕЧЕ»,
— (Сибиряда)

ISBN 978-5-4444-8629-0

Знак информационной продукции 12+ Владимир Клавдиевич Арсеньев – один из самых известных и отважных исследователей Забайкалья и Дальнего Востока. Он совершил более десятка пеших экспедиций, прошел сотни километров по бескрайним таежным просторам и горным кряжам Уссурийского края и Сихотэ-Алиня. Но во всех своих походах, кроме научных дневников, Арсеньев обязательно вел личные записи – зарисовки, этюды, впечатления, встречи, интересные случаи. Именно из этих записей и родились позже его знаменитые произведения – романы «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», ставшие классикой отечественной приключенческой литературы. В новую книгу включены менее известные, но не менее интересные повести и художественные очерки Владимира Арсеньева. «В горах Сихотэ-Алиня» – это увлекательный рассказ о путешествии по дикой тайге, бездорожью и почти полному безлюдью. Автор с товарищами прошли более тысячи километров, путешествие длилось полтора года. Повесть «Сквозь тайгу» посвящена последнему большому путешествию Арсеньева по Сихотэ-Алиню и поражает яркими и сочными описаниями природы и жителей этого края, а несколько небольших очерков лишь дополняют прекрасную картину величия и необъятности Дальневосточного края.

ISBN 978-5-4444-8629-0

© Арсеньев В. К.

© ВЕЧЕ

Содержание

В горах Сихотэ-Алиня	7
Глава первая. Амур в нижнем течении	7
Глава вторая. Вверх по Анюю	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Арсеньев
Сквозь тайгу (сборник)

© ООО «Издательство «Вече», 2015

В горах Сихотэ-Алиня

Глава первая. Амур в нижнем течении

В полдень 23 июня 1908 года наш небольшой отряд перебрался на пароход. Легко и отраднo стало на душе. Все городские недомогания сброшены, беганье по канцелярии кончено. Завтра в путь.

В сумерки мои спутники отправились в город в последний раз навестить своих знакомых, а я с друзьями, пришедшими проводить меня, остался на пароходе. Мы сели на палубе и стали любоваться вечерним закатом, зарево которого отражалось на обширной водной поверхности при слиянии Амура с Уссурью.

Был тихий летний вечер. Янтарное солнце только что скрылось за горизонтом и своими догорающими лучами золотило края облаков в небе. Сияние его отражалось в воздухе, в воде и в окнах домов какого-то отдаленного поселка, предвещая на завтра хорошую погоду.

Против Хабаровска левый берег Амура низменный. Бесчисленное множество проток, слепых рукавов и озерков создают такой лабиринт, из которого без опытного провожатого выбраться трудно. Когда-то все пространство, где Амур течет в широтном направлении, от станицы Екатерино-Никольской до озера Болон-Оджал на протяжении около 500 и шириною в 150 километров, представляло собой громадную впадину, заполненную водой. Высоты у слияния реки Уссурья с Амуром являются древним берегом этого обширного водоема.

Город Хабаровск основан графом Муравьевым-Амурским 31 мая 1858 года на месте небольшой гольдской деревушки Бури. Отсюда получилось искаженное китайское название Воли, удержавшееся в Маньчжурии до сих пор. Первым разместился здесь 13-й линейный батальон, который расположился как военный пост. В 1880 году сюда переведены были из Николаевска все административные учреждения, и деревушка Хабаровка переименована в город Хабаровск.

Тогда это было глухое и неустроенное поселение среди тайги, остатки которой долго еще были видны в самом центре города. Единственным путем сообщения был Амур. Осенью и весной во время ледостава и при вскрытии реки Хабаровск оказывался отрезанным от других городов на несколько месяцев. Эта изоляция называлась «почтовым стоянием».

На палубе парохода было тихо и пусто. Только со стороны города доносился неясный шум, которого обычно не слышно днем.

Можно подумать, что с наступлением тьмы воздух делается звукопроницаемее. На западе медленно угасала заря, а с другой стороны надвигалась теплая июньская ночь. Над обширным водным пространством Амура уже витал легкий сумрак: облака на горизонте потускнели, и в небе показались первые трепещущие звезды.

В это время шум весел привлек мое внимание. Из-за кормы парохода вынырнула небольшая лодка с двумя гребцами. Молодой гольд работал веслами, а старик сидел на корме и направлял свою утлую ладью к устью Уссурьи. Он что-то говорил своему юному спутнику и, протянув руку по направлению к югу, дважды повторил слово «Хехцир». Машинально я перенес свой взор на величественный горный хребет, протянувшийся в широтном направлении от озера Петропавловского до реки Уссурьи и носящий название, которое только что упомянул старик гольд. Хехцир имеет наибольшую высоту в 860 метров. Железная дорога пересекает его в самом низком месте в 34 километрах от Хабаровска. В исторической литературе этот хребет называется Хохцским, также Хехцир, а в китайской географии Шуй-дао-тиган имеется глава об Уссурьи, переведенная академиком Васильевым, в которой означенные горы названы Хухгир (Хурчин). На западном склоне хребта Хехцир у самой реки Уссурьи расположилась казачья

станция Казакевичево, а раньше здесь была небольшая ходзенская деревушка Фурме (Турме), состоявшая из четырех фанз.

В 1859 году Р. Маак застал здесь уже русских. От гольдской деревни не было и следа, но у туземцев о ней сохранились воспоминания.

Давным-давно в одинокой фанзе жил гольд Хээкчир Фаенгуни. Он был хороший охотник и всегда имел достаточный запас юколы для своих собак. Хээкчир был однажды в Сансине на реке Сунгари и вывез оттуда белого петуха. После этого он начал тяготиться своим одиночеством, потерял сон и стал плохо есть. Как-то раз ночью Хээкчир Фаенгуни вышел на улицу и сел у крыльца своего дома. Вдруг он услышал слова:

– Хозяин, закрой окна, перед светом будет гроза.

Хээкчир обернулся и увидел, что это петух говорил ему человеческим голосом. Тогда он пошел на берег реки, но тут слышал шепот над своей головой. Это говорили между собой деревья. Старый дуб шелестел листьями и рассказывал молодому ясеню о том, чему довелось ему быть свидетелем за двести с лишним лет. Хээкчир испугался. Он вернулся в свою фанзу, лег на кан, но, как только начал дремать, опять услышал шорох и голоса. Это говорили камни, из которых был сложен очаг. Они собирались треснуть, если их еще раз так накалят. Тогда Хээкчир понял, что он призван быть шаманом. Он отправился на реку Нор, и там маньчжурский шаман вселил в него духа Тыэнку, Хээкчир скоро прославился – он исцелял недуги, находил пропажи и отводил души усопших в «загробный мир». Слава о нем пошла по всей долине Уссури, Амуру и реке Сунгари.

Вскоре около его фанзы появились другие домики. Так образовалась деревня Фурме. Потом пришли русские и потеснили ходзенов. Последние должны были оставить насиженные места и уйти от беспокойных «лоца» вверх по реке Уссури. Деревня Фурме исчезла, а название Хээкчир превратилось в Хехцир. Впоследствии казаки этим именем стали называть не только то место, где раньше была ходзенская деревня, но и весь горный хребет.

В этом сказании чувствуется влияние юга. Как попало оно на Амур к гольдам из Маньчжурии?

За разговорами незаметно прошло время. Я проводил своих друзей на берег и вернулся на пароход. Было уже поздно. Последние отблески вечерней зари погасли совсем; и темная ночь спустилась на землю. Где-то внизу слышались меланхолические всплески волн, пахло сыростью и машинным маслом. Я ушел в свою каюту и вскоре погрузился в глубокий сон.

На другой день рано утром мы оставили Хабаровск.

С момента отхода от пристани все на пароходе начали жить судовой жизнью. Вместе с нами ехала публика самая разнообразная: чиновники, играющие в вист «по маленькой», коммерсанты, говорящие о своих торговых оборотах, и крестьяне, возвращающиеся из города с покупками. Кто читал, кто так сидел и смотрел вдаль, а кто просто забился в каюту и под ритм машины уснул как убитый. В третьем классе очень людно – там пассажиры вплотную лежат на нарах и не встают, чтобы не потерять место, добытое с такими усилиями при посадке.

Все дальше и дальше позади остается Хабаровск, Широкою полосою расстилается Амур, и кажется он большим озером и вовсе не похож на реку.

О происхождении названия Амура существуют различные показания. Его производят от слова «Амор», что по-тунгусски означает «Добрый мир», от маленькой речки Емур, впадающей с правой стороны около Албазина, и от гиляцкого слова «Гамур», «Ямур», что значит «Большая вода». Историк Миллер Мамуром называет реку, на которой живут натканы (натки). Маньчжуры называли Амур «Сахалян ула» (Река черной воды), а китайцы – «Хуньтуя-цзын», после соединения с рекой Сунгари – также «Гелонг-кианг» (Река черного дракона) и Хей-шуй, что значит «Черная вода», а по-якутски «Кара туган» (Черная река). Современное туземное население называет его Дай Мангу, а ольчей – мангунами.

Общее направление течения Нижнего Амура северо-восточное. С левой стороны в него впадают реки Тунгуска, Дарги, Гай и Галка, а с правой – протока из озера Петропавловского. Последнее длиной около 20 и шириной около 8 километров. В недавнем прошлом оно было значительно больше и простиралось на юг и юго-запад до предгорьев Хехцира. Сита была небольшой речкой, и Обор впадал в озеро самостоятельно. Возвышенность, где ныне расположено селение Волконское, представляет собой древний берег большого озера, а обширные болота с западной стороны указывают места, которые совсем недавно освободились от воды. Процесс дренажирования еще не закончен. Нынешнее озеро Петропавловское быстро мельчает, и недалеко время, когда оно тоже превратится в болото. Широкая долина Амура наполняется наносами его притоков – ила и песка, обычных спутников наводнений. В местах обвалов у подмытых берегов видно, как располагаются они в последовательном порядке. В самом низу лежит песчано-галечниковый слой, над ним нижнеаллювиальная глина, а выше слои песка, потом опять глина и поверх нее почвенно-перегнойный (гумусовый) слой, поросший высоким венчиком и тростником, длинные корни которых в белых и фиолетовых чехликах прорезывают всю толщу наносов. Около протоки из озера Петропавловского находится много песчано-илистых островов. Некоторые из них едва выступают из воды, другие имеют вид плоских релок, поросших травой и кустами лозняка. Пески перемещаются летом водою, а зимой – ветрами. Иногда зимой можно видеть поверх снега слой песка, который при вскрытии реки переносится вместе со льдом на значительные расстояния.

К вечеру наш пароход дошел до селения Вятского, расположенного на правом, нагорном берегу Амура. Здесь на несколько часов была сделана остановка для погрузки дров. Я тотчас сошел на берег, чтобы осмотреть селение. Невеселый вид имело оно. Прежде всего мне бросились в глаза бесчисленные штабели дров, за ними выше на берегу виднелись жилые дома и дворовые постройки, сделанные основательно и прочно, даже заборы были сложены из бревен. Все указывало на достатки населения, и вместе с тем в глаза била неряшливость, на дворах развал, груды конского навоза и непролазная грязь. Вдоль деревни идет одна улица. Две тощие гнедые лошади лениво плелись по дороге, они часто останавливались, хлопали губами, подбирая травинки, и подымали пыль. Следом за ними шел пожилой человек. Он ругал лошадей, кричал на них и размахивал руками. Амурские жители не имеют телег и ездят по Амуру летом на лодках, а зимой по льду на санях. Вот почему в каждом дворе было по две-три пары саней. На возвратном пути я опять увидел того же крестьянина. Он сидел на скамейке у ворот одного из домов и с кем-то переговаривался через дорогу. Нехотя ответил он на мое приветствие и спросил меня, не я ли буду новый учитель. Мой отрицательный ответ, видимо, его успокоил. Он подвинулся на скамейке и предложил мне присесть. От него я узнал, что крестьяне переселились сюда из Вятской губернии около полустолетия назад. Живут они с достатком и занимаются зимним извозом и доставкой дров на пароходы. Земледелие не в почете потому, что нигде поблизости нет хорошей земли, а также потому, что есть другие, более выгодные заработки. И в самом деле! Один пуд осетровой рыбы продавался по 40 рублей, а пуд черной икры – по 320. Если ход кеты был удачный, то средняя семья, из четырех взрослых душ, могла поймать столько рыбы, что, продав ее в посоленном виде, за вычетом всех расходов на соль, бочки, фрахт и пр., она не только вполне обеспечивала себя до нового улова, но даже откладывала значительную сумму денег на черный день.

Поговорив немного с вятским старожилом, я пошел к берегу. Пароход, казалось, был насыщен электричеством. Ослепительные лучи его вырывались из всех дверей, люков и иллюминаторов и отражались в черной воде. По сходням взад и вперед ходили корейцы, носильщики дров. Я отправился было к себе в каюту с намерением уснуть, но сильный шум на палубе принудил меня одеться и снова выйти наверх.

Был второй час ночи. По небу плыла полная луна, серебрившая своим трепетным светом широкий плес Амура. Впереди неясно вырисовывались контуры какого-то мыса. Селение Вятское отходило на покой, кое-где в избах еще светились огни...

И вот в эти ночные часы из воды вышло и поднялось на воздух бесчисленное множество эфемерид. В простонародье их называют поденками. Их личинки живут в воде и ведут хищнический образ жизни. Но потом вдруг все разом они поднимаются на поверхность воды и превращаются в изящные крылатые создания бледно-голубого цвета с прозрачными крылышками и тремя хвостовыми щетинками. Поденок было так много, что, если бы не теплая летняя ночь и не душный запах рано скошенной где-то сухой травы, их можно было принять за снег. Их было тысячи тысяч, миллионы. Они буквально наполняли весь воздух, бились в освещенные окна кают, засыпали палубу и плавали по воде. Эфемериды торопились жить. Их век короток, всего лишь 24 часа. Из темной пучины вод они поднялись на воздух для того, чтобы произвести себе подобных и умереть.

Я не мог долго быть на палубе. Насекомые буквально облепили меня. Они хлестали по лицу, заползали в рукава, набивались в волосы, лезли в уши. Я пробовал отмахиваться от них; это оказалось совершенно бесполезным занятием. В каюте было жарко и душно, но нельзя было открыть окон из-за тех же самых прелестных эфемерид. Долго я ворочался с боку на бок и только перед рассветом немного забылся сном.

Когда на другой день я проснулся, пароход уже был в пути. Между озером Катар и селением Вятским Амур некоторое время течет в широтном направлении, но затем вновь поворачивает на северо-восток. Здесь правый берег состоит из ряда плоских возвышенностей, изрезанных глубокими оврагами. Он слагается из базальтовой лавы и древнейших горных пород. Около селения Елабужского возвышенности отходят от Амура в глубь страны и вновь появляются после Гасинской протоки, вытекающей из озера того же наименования.

По показаниям Пояркова, от устья Уссури вниз по Амуру на четыре дня плавания жили дючеры, а далее натки. Такого самоназвания туземцев в указанных местах мы теперь нигде не находим. Позднейшие писатели говорят о ходзенах и гольдах. Наиболее крупные гольдские селения по правому берегу Амура от Хабаровска до села Троицкого расположились в следующем порядке: Чепчики, Хованда, Сакачи-Алян, Люмоми, Хоухолу, Муху, Гаси, Дады, Дыэрга, Найхин, Джагри.

Около Сакачи-Альяна на берегу Амура есть писанные камни, затопляемые во время половодья. На одном камне схематически изображено человеческое лицо. Можно ясно различить глаза, нос, брови, рот и щеки. На другом камне – два человеческих лица: глаза, рот и даже нос сделаны концентрическими кругами, а на лбу ряд волнообразных линий, отчего получилось выражение удивления, как бы с поднятыми бровями. Рядом профиль какого-то фантастического животного с длинным хвостом и семью ногами. Оно изображено при помощи четырех концентрических кругов, из которых задний наибольший, потом два малых и на месте головы – круг среднего размера. Линия, объемлющая круги, частью ломаная, частью кривая, изображает контур животного. На последнем камне довольно верное изображение в профиль оленя. Круп животного тоже разрисован концентрическими кругами. На боках видны ребра в виде кривых линии, а на шее и спине ближе к холке какие-то непонятные завитки.

Часам к десяти утра пароход дошел до села Троицкого, расположенного также на правом берегу Амура. От Вятского оно отличалось разве только размерами. Общий колорит старожильческий. В давние времена здесь было гольдское селение Толчека.

Несмотря на то что пароходы ходят по Амуру довольно часто, для амурских крестьян это всегда событие. Заслышав свистки, все население бросает дома и устремляется к берегу для того, чтобы принять доставленное из Хабаровска продовольствие, посмотреть, не едет ли кто из знакомых, а то и просто посмотреть на публику. Так было и на этот раз. В толпе на берегу я узнал Косянова, приехавшего из селения Найхин на двух гольдских лодках, для того

чтобы встретить нас и в последний раз сделать кое-какие закупки. Покончив с делами, мы забрали свой багаж и отправились к лодкам. Около них на прибрежной гальке сидело пять человек гольдов. Все они были среднего роста и хорошо сложены. Они имели овальные лица, слегка выдающиеся скулы, небольшие косы и темно-карие глаза. Длинные черные волосы их были заплетены в косы по маньчжурскому образцу. Костюм наших новых знакомых состоял из короткой тельной рубашки белого цвета и одного или двух пестрых халатов длиной до колен, полы которых запахивались одна на другую и застегивались сбоку на маленькие металлические пуговицы, похожие на бубенчики. Рукава около кистей рук были стянуты нарукавниками. На ногах гольды носили короткие штаны, сшитые из синей дабы, наколенники, привязываемые к поясу ремешками, и мягкую обувь в виде олочей из толстой замшевой кожи.

Ни одна из народностей на Амуре не любит так украшать себя, как гольды. Вся одежда их от головы до пяток орнаментирована красивыми нашивками. Добавьте к этому тяжелые браслеты на руках и несколько колец на пальцах, и вы получите представление о внешнем виде молодых гольдов, щеголяющих в своих нарядных костюмах в праздничные дни и в будни. Когда принесли наш багаж, гольды принялись укладывать лодки и размещать пассажиров. Гольдская лодка состоит из трех досок: одной донной и двух бортовых. Корма имеет фигуру трапеции. Донная доска выгнутая; она длиннее других и значительно выдается. Нос прикрыт двумя короткими досками под углом в шестьдесят градусов. При таком устройстве встречная волна не может захлестнуть лодку, но зато бортами она сидит глубоко в воде. Гребцы помещаются впереди на маленьких скамеечках. Грузы в лодке располагаются посередине, а кормчий с веслом находится позади.

Часов в одиннадцать утра мы оставили село Троицкое и поплыли вверх по протоке Дырен к гольдскому селению Найхин.

Был один из тех знойных и душных дней, которые характеризуются штилем, ясным, безоблачным небом и зеркально-гладкой поверхностью воды. Солнечные лучи, отраженные от воды, слепили глаза и утомляли зрение, а долгое сидение в лодке в неподвижной позе вызывало дремоту. Часа через два плавания гольды причалили к берегу, чтобы отдохнуть и покурить.

Воспользовавшись остановкой, я решил размять немного ноги и пошел прогуляться по берегу. Слева тянулись обширные луга, поросшие высокой травой. Главную массу поемной растительности составлял все тот же вейник до полутора метров высотой с недеревенеющими стеблями в виде соломы. Он растет чрезвычайно обильно, почти без примеси других трав, занимая обширные пространства. Места посуше были заняты обыкновенной полынью с перистыми листьями, издающими приятный запах, если их потереть между пальцами, и тростниками, вполне оправдывающими свое видовое название и вытеснившими почти всякую растительность. Оригинальный вид имеют заросли тростников с длинными листьями, легко вращающимися в ту сторону, куда дует ветер. Точно их кто-нибудь нарочно расчесывает и расправляет. Дальше виднелась какая-то полудревесная-полукустарниковая растительность. Я направил туда свои шаги. Это оказались тальники и ольшаники, словно бордюром окаймляющие берега проток и озерков со стоячей водой.

Луга, поросшие столь буйной растительностью, довольно богато населены пернатыми. В этот знойный день большая часть их попряталась в траве, но все же некоторых, наиболее прожорливых, голод заставлял быть деятельными. Прежде всего я заметил восточную черную ворону, всеядную, полуседлую общественную птицу. От своей европейской товарки она отличается оперением черного цвета с фиолетово-синим оттенком. Ворона сидела на земле и кого-то караулила – должно быть, мыш. При моем приближении она испугалась, снялась с места и торопливо полетела к кустам лозняка. Тут же поблизости на жиденькой ольхе сидела сорока. Она вела себя беспокойно, все время вертелась, задирая хвост кверху, прыгала с одной ветки на другую и вдруг совершенно неожиданно камнем упала в траву, но вскоре опять появилась на одной из нижних ветвей дерева. При моем приближении трусливая птица бросилась на-

тек и, оглашая воздух сухими и резкими криками, полетела вслед за вороной. Затем я увидел большого восточного веретенника, типичного обитателя сырых лугов. Веретенник неожиданно вынырнул из тростников, подлетел ко мне вплотную, затем быстро свернул в сторону и вновь спрятался в траву. Это, вероятно, был самец, старавшийся отвлечь все внимание от того места, где самка высиживала яйца. На обратном пути я еще вспугнул зеленую овсянку – небольшую птичку, ведущую одиночный образ жизни среди болот и глухих проток. Она села на куст, очень близко от меня, и совершенно не выражала беспокойства.

К сумеркам лодки наши дошли до гольдского селения Найхин, расположенного около самого устья Анюя. На ночь мы устроились в туземной школе. После ужина казаки принесли свежей травы. Мы легли на полу с намерением соснуть, но комары никому не дали сомкнуть глаз до рассвета.

Часов в девять утра мы с Косяковым пошли осматривать гольдское селение Найхин. Прежде всего мне бросился в глаза целый лес жердей, увешанных сетями, и сушила для рыбы. Немного в стороне высились бревенчатые амбары на сваях, в которых хранится все ценное имущество гольдов. Чтобы мыши не могли проникнуть в амбар, на каждую сваю надевается кверху дном старый испорченный эмалированный тазик. На берегу протоки лежало множество лодок. Те, которые находились в употреблении, были просто вытащены на песок и во всякое время могли быть снова спущены в воду, другие были опрокинуты кверху дном и, видимо, давно уже покоились на катках. Сотни собак встретили нас злобным лаем. Гольды пригрозили им палками, и собаки с неохотой снова улеглись на прежние места. Спасаясь от мошек и комаров, они зарывались в землю. Песок сыпался им на голову. Собаки терли свои морды лапами так сильно, что совершенно выскоблили шерсть вокруг глаз, отчего получилось впечатление, будто на их головы надели очки.

Гольдское селение Найхин тогда состояло из 18 фанз, в которых проживало 136 человек – мужчин и женщин. В конце его из одной фанзы вышел нам навстречу Николай Бельды, мужчина лет тридцати, с которым я впоследствии подружился. Он приветствовал нас по-своему и предложил войти в его дом.

Гольдская фанза по внешнему виду похожа на китайскую. Это четырехугольная постройка с двускатной крышей. Остов ее состоит из столбов, пространство между ними, кроме тех мест, которые предназначены для окон и дверей, заполнено ивовыми прутьями и с обеих сторон обмазано глиной. Крыша тростниковая, а чтобы траву не сорвало ветром, нижние слои ее также обмазаны глиной, а верхние прижаты жердями.

Перешагнув через порог, мы попали в довольно просторное помещение. Вдоль стен с трех сторон тянулись каны, сложенные из камней. Они имели ширину в рост человека и покрыты были чистыми циновками, плетеными из тростника. Свет в жилище проникал через три окна с одинарными рамами и с частыми решетинами, оклеенными тонкой китайской бумагой. Потолка в фанзе нет вовсе: крыша поставлена прямо на стены, а вверху под самым коньком сделано небольшое отверстие для выхода дыма. Зимой его затыкают тряпичей или сухой травой. Пол земляной, плотно утрамбованный. Очагов два. Один находится у самых дверей, другой – у противоположной стены, где кончается кан. Что такое очаг? Это низкая печка, сложенная из дикого камня, в которую сверху вмазан довольно большой котел. Дымовые ходы проложены под канами и выведены наружу в трубу, сделанную из дуплистого дерева и стоящую несколько поодаль от фанзы. Обыкновенно топится та печь, которая находится ближе к дверям. Вторую печь топят только зимой, во время больших морозов. Естественно, что каны ближе к топке нагреваются сильнее, чем те места, где дымоход выходит наружу. Иногда каны нагреваются так сильно, что без дощатых подстилок спать на них невозможно. Около очагов имеются полочки, на которых всегда можно увидеть одну или две бутылки, деревянные корытца, берестяную посуду, поварешку, кухонный нож и коробку с палочками для еды. Немного в стороне, прямо на полу, стоит большой глиняный сосуд для воды. Он высотой в метр и вместимостью ведер

на двадцать. Эту глазированную и хорошо обожженную посуду раньше гольды приобретали в Маньчжурии. Посредине фанзы устроены на стойках в два ряда полки, на которых сложены разные охотничьи принадлежности, как то: рыболовные крючки, остроги, копы или стрелы. На жердях, протянутых через всю фанзу, над канами лежат лыжи, весла от лодок, большие куски бересты и свертки рыбьей кожи. Вследствие того, что дымовые ходы очень длинные и расположены горизонтально под канами, тяга в них не всегда равномерна, и печи часто дымят. Поэтому все предметы, находящиеся в фанзе выше роста человека, так закопчены, что не всегда удастся узнать, что именно находится под слоем копоти. Неосторожный человек при малейшем прикосновении к ним осыпается в изобилии серой пудрой.

Почетным местом считается средняя часть кана. Иногда здесь можно видеть одну или две цветные подушки в виде валиков и перед ними резные столбики в 30 сантиметров высотой и с отверстиями в верхних частях, в которые вставлены курительные трубки. Здесь, по поверьям гольдов, место обитания душ усопших родственников, ожидающих, когда шаман отведет их в загробный мир. В углу прислонен к стене большой деревянный идол, грубо изображающий худотелого человека на длинных согнутых ногах, без рук и с редькообразной головой. Это Калгама – дух, охраняющий жилище от «злых духов». Две маленькие скамеечки, небольшой столик на низеньких ножках, нечто вроде шкафа или комода в углу на кане и сундук, ярко окрашенный, с медным замком, дополняют убранство гольдской фанзы. Наблюдателя поражает обилие орнаментов не только снаружи, но и внутри жилища. Все вещи, большие и малые, покрыты резьбой. Стойки фанзы, деревянные корытца, оружие, весла, ложки, палочки для еды и в особенности берестяные изделия, коробки, миски, подносики и пр. – словом, решительно все украшается при помощи красок и ножа.

В фанзе мы застали двух женщин и старика. Одна женщина, которая была помоложе, варила обед, а другая, постарше, сидела на кане и что-то шила. Около нее стояла детская зыбка, в ней спал будущий рыболов и охотник.

Гольдская зыбка состоит из двух половинок, сложенных под углом в сто двадцать градусов, так что ребенок находится в ней в полулежачем положении. К накладной стенке зыбки привешиваются в качестве побрякушек бусы, пустые ружейные гильзы, копытца кабарги и кости рыси, тоже охраняющие мальчика от посягательства злого духа.

Насколько гольды-мужчины удаляются от монгольского типа (среди них можно нередко встретить овальные лица без выдающихся скул и с правильными прямыми носами), настолько женщины сохраняют его. Лица обеих женщин были типично монгольские, которые характеризуются плоским скуластым лицом, вдавленной переносицей и узкими глазными щелями с явно выраженной монгольской складкой век. Все гольдячки невысокого роста и имеют маленькие руки и ноги.

Женский костюм отличался от мужского только длиной халатов и обилием вышивок и украшений. Кроме того, халаты их по подолу еще обшиваются медными бляшками. Кроме браслетов и колец на руках, они имели в ушах серьги с халцедоновыми и стеклянными бусами. Особенного же внимания заслуживают серьги в носу. Молодая женщина носила одну серьгу, продетую сквозь носовую перегородку так, что бляшка серьги, свернутая спиралью из тонкой серебряной проволоки, лежала на верхней губе. Старая женщина имела две таких серьги, продетых по сторонам в крылья носа.

Хозяин усадил нас на почетное место и велел подать угощение. Та женщина, которая шила около ребенка, постелила на кан суконное одеяло с неудачно разрисованным на нем тигром и поставила низенький резной столик на маленьких ножках, а другая женщина принесла на берестяном подносе сухую рыбу, пресные мучные лепешки, рыбий жир с кабаньим салом и ягодами, граненые стаканы из толстого стекла и чайник с дешевым кирпичным чаем.

Тотчас в фанзу стали собираться и другие гольды. Они расселись на канах и молча стали ждать конца нашей трапезы, чтобы принять участие в разговорах. Я обратил внимание на ста-

рика, седого, как лунь, и сторбленного годами. От него я узнал, что реки Дондона нет вовсе. Дондон – это название острова, селения на нем и смежной с ним протоки, а та река, по которой нам следовало идти, называется Онюй. Орочи называют ее Найхин – по имени гольдского селения при устье.

Что значит Онюй? Гольды к названиям правых притоков Амура прибавляют слово Анэй, например: Анэй Хунгуры, Анэй Вира, Анюй, Анэй Пихца и т. д. Этимологию этого слова выяснить мне не удалось. Любопытно, что и на севере, именно в Колымском крае, мы встречаем два притока Колымы с тем же названием – Большой Анюй и Малый Анюй. Удэхейцы Дондон называют Уни. Возможно, отсюда произошло Онюй («У» легко переходит в «О»), искаженное впоследствии в Анюй.

Когда гольды узнали, что мы хотим идти по Анюю, они начали рассказывать про реку всякие страхи. Говорили о том, что плавание по ней весьма опасно вследствие быстроты течения и множества завалов. Идти к истокам они отказались наотрез, и даже такие подарки, как ружье с патронами, не могли соблазнить их на это рискованное предприятие. Далее из рассказов выяснилось, что в нижнем течении Анюя живут гольды, а выше – удэхейцы.

Видно было, что амурские гольды боятся Анюя. Оно и понятно. Лодки их, приспособленные для плавания по спокойным протокам Амура, совершенно не пригодны для быстрых горных речек. Уговаривать их на эту поездку я не стал (это было бы и бесполезно), но мы условились, что они доставят нас до ближайшей фанзы Дуляля, а оттуда мы найдем новых проводников. Так и будем передвигаться от стойбища к стойбищу. После этого Николай Бельды велел назначенным для сопровождения нас гольдам расходиться по домам и готовиться к походу.

Посидев еще немного, мы начали прощаться с хозяином. Он взял с нас слово, что вечером мы придем к нему еще раз.

На самом краю между школой и селением находилась одна развалившаяся фанза. Глинобитные стены ее обрушились, и соломенная крыша, почерневшая от времени, лежала на земле. Вся местность вокруг фанзы заросла высокой сорной травой. Вышло как-то так, что я ушел вперед, а Косяков отстал немного. Проходя мимо фанз, я вдруг услышал жалобный писк котенка. Сначала я не обратил на него внимания, но, когда я подходил ближе к фанзе, до слуха моего донеслось опять то же жалобное мяуканье, в котором слышались нотки страха. Полагая, что котенок куда-нибудь завалился и не может выбраться наверх без посторонней помощи, я свернул с тропы и сквозь бурьян направился прямо к развалинам фанзы.

По мяуканью я скоро обнаружил котенка. Он был обычного серого цвета с белой мордочкой и белыми передними лапами. Котенок был чем-то напуган. Он изогнул спину дугой, поднял кверху свой хвостик и весь ошетинился. Сперва я не мог найти причину его страха. Тут были груды мусора, из которого торчало много палок. Как я ни напрягал зрение, я ничего не видел.

В это время котенок опять пискливо замыкал и прыгнул вправо. Тотчас одна из палок качнулась вправо. Котенок метнулся влево, палка тоже двинулась влево и так несколько раз. Я осторожно приблизился к котенку и увидел большую рыжую змею. Судя по той части ее тела, которая была приподнята от земли, пресмыкающееся было длиной метра полтора и толщиной около пяти сантиметров. Голова змеи была обращена к котенку, и изо рта высовывался черный вилообразный язычок.

Котенок казался парализованным, и вместо того, чтобы спастись бегством, он пищал и в испуге делал прыжки, а змея, не спуская с него глаз, раскачивалась вправо и влево, постепенно приближаясь к своей жертве. Как раз в это время проходил мимо Косяков. Я стал делать ему знаки рукой. Увидев, в чем дело, он схватил палку и с силой ударил змею. Последняя метнулась в заросли, как раз по направлению к крыше. В траве послышалось шипение и шорох убегающего пресмыкающегося, а затем все стихло. Я взял на руки котенка и стал его гладить. Он все еще продолжал жалобно мяукать и дрожал, как в лихорадке.

Случайно мимо развалившейся фанзы проходили две гольдские девушки. Косяков крикнул им, чтобы они позвали людей, а сам принялся разбрасывать крышу и поднял большую пыль. Одна девушка взяла у меня котенка, а другая побежала в деревню. Через несколько минут из Найхина пришло четверо гольдов с лопатами и топорами. Они перевернули всю развалившуюся фанзу, не оставив на земле ни одного камня, но змеи не нашли. Меня несколько удивила настойчивость, с которой гольды искали змею, удивила также неприязнь, которую они питали к ней. Это было тем более странно, что к другим змеям они относились довольно равнодушно. Признаться, и на меня рыжая змея произвела очень неприятное впечатление. Такого большого пресмыкающегося на Амуре я нигде не видывал. Известно, что полозы глотают мышей, бурундуков и разных птиц, но никогда еще не было случая нападения их на щенка или котенка.

Когда выяснилось, что змея ускользнула и надежды найти ее нет никакой, гольды забрали свои лопаты и через бурьян пошли на берег. Они сели на опрокинутые вверх дном лодки и стали курить. По выражению их лиц я видел, что они чем-то встревожены. На мой вопрос, что случилось, один из гольдов ответил, что это была не простая змея, а шаманка, которая служит черту, и теперь надо в селении ждать какого-нибудь несчастья. Я сразу понял, что появление рыжего полоза связано с каким-то событием, и решил вечером расспросить гольдов подробно. Докурив трубки, гольды пошли в селение, а мы с Косяковым направились в школу, в которой остановились.

Когда начало темнеть, я вместе с Косяковым отправился в дом старшины. Гольды только что кончили ужинать. Женщины выгребли жар из печки и перенесли горящие уголья в жаровню. Мы подсели к огню и стали пить чай. Разговор начался о родах. Говорил наш хозяин, а старик внимательно слушал и время от времени вставлял свои замечания.

Все гольдские роды – территориальные, и названия их в большинстве случаев указывают место, где тот или иной род обитал исстари. Так, род Дэонка родился на ключике того же имени, впадающем в реку Эльбин, Перминка получил свое название от местности Пермин, Актенка – с реки Мухеня, Соянка – от местности Соян (ниже села Троицкого), Кофышка – от местности Кофынь, Марянка – из Маря, что на левом берегу Амура против села Сарапульского. На месте последнего было стойбище Уксяма. Отсюда и произошел род Уксаменка. Люди Оджал родились и жили на берегах озера Болона, где в давние времена добывалась серебро-свинцовая руда. Утес с рудой назывался Оджал-Хонкной, а озеро – Болон-Оджал. Род Ходзяр повел свое начало от протоки Атуа – немного выше «серебряного» утеса, Цзахоури – из местности того же имени, а Удынка и Юкомика жили на реке Тунгуске.

До русских гольды платили ясак маньчжурам, причем разные роды вносили его в разное время, вследствие чего в самом выгодном положении оказался род Бельды, а в наиболее тяжелом – род Дэонка. Тогда очень многие гольды из родов Дэонка, Перминка, Актенка, Соянка, Цоляцанка и Кофынка при опросе их маньчжурами назвались Бельды. Остальные роды – Марян, Посар, Оджал, Ходзяр, Моляр, Цзахсур и Юкомика – остались с прежними названиями.

Самыми старыми селениями на Амуре были Найхин, Дырен и Баоца. До прихода русских гольды имели торговые сношения с маньчжурами. Последние на больших лодках спускались по течению реки один или два раза в год, привозили с собой разные товары и выменивали их на пушнину. Тогда все было дорого, в особенности железные котлы и огнестрельное оружие. Старик рассказывал, что, когда он был еще мальчиком, на всем Амуре гольды имели только два фитильных ружья, за которые было заплачено 100 отборных соболей. Котел стоил около 10 соболей, а фунт пороху – 4 соболя. Достоин удивления, что чай пить гольды научились не от маньчжуров, а от русских. Раньше у них было значительно больше спирта, чем теперь. Доставляли его китайцы из Сансина.

Затем старик рассказал о первом появлении русских на Амуре. Весть о страшных бело-глазых лоца, которых боялись даже маньчжуры, принес им шаман из селения Баоца. От них так сильно пахло мылом и прогорклым салом, что с людьми делалось дурно. Тогда все окрестные шаманы собрались на совещание в селении Найхин и решили, что лоца – черти и отогнать их можно только камланием. Было приказано по всем стойбищам в первую же новолунную полночь погасить в фанзах огни и камлать. Так и поступили, а наутро увидели на реке пароход, буксирующий две баржи. Гольды испугались и, побросав свои жилища, убежали, кто куда мог. Найхинские гольды на лодках ушли вверх по Анюю. Хозяин фанзы сообщил, что от старых людей он слышал, будто бы русские в первый раз пришли со стороны моря, и никто не знал, какие это люди и зачем они пришли на Амур, а на другой год лоца приплыли сверху и остановились около озера Кизи. Некоторые гольды, ушедшие вверх по Анюю, остались там жить навсегда. Так образовались стойбища Дуляля, Сира и Тахсале. Другие гольды ушли на озеро Болон-Оджал и тоже не вернулись. С той поры на Амуре гольдов стало меньше, а русские все увеличивались в числе, и остановить движение их было невозможно.

Лет пятьдесят назад (1883 год) селение Найхин выгорело от пожара во время грозы. Гольды не особенно горевали, потому что по их представлению гром всегда бьет в то место, где долго сидит черт. Иногда молния поражает черта, скрывшегося в человеке. Если бы не случилось пожара от грозы, черт своими кознями погубил бы много людей. Обсудив этот вопрос, старики сказали, что пожар от грозы принес им избавление от несчастий и все остались довольны. Деревня была выстроена вновь на том же месте.

Старик замолк и, уставившись глазами в одну точку, погрузился в воспоминания о временах, давно прошедших. Тогда я обратился к старшине с просьбой рассказать мне о рыжей змее, которую связывают с именем какой-то шаманки. Сначала он отмалчивался, но потом разговорился и рассказал мне следующее.

Лет шестьдесят назад в большом гольдском селении Ховын на берегу озера Гаси родилась девочка с рыжими волосами. Уже это одно обстоятельство встревожило туземцев. Еще в детском возрасте она стала проявлять свой скверный характер: не хотела работать, выказывала старшим явное неповиновение и всегда дралась с другими ребятами, пуская в дело ногти и зубы. Когда она достигла совершеннолетия, с ней стали делаться припадки, которые кончились буйным помешательством. Она бегала по деревням, бросалась на людей, била окна в фанзах, рвала рыболовные сети и отнимала у собак пищу. Неоднократно гольды связывали ее, но она всегда находила возможность освободиться от ремней и тогда бесчинствовала еще больше. Напрасно приглашали шаманов, напрасно они камлали и изгоняли злого духа. Ничего не помогало. Тогда гольды решили отвезти ее подальше в лес и там привязать к дереву. Так и сделали. Через несколько суток они пошли посмотреть, не умерла ли рыжая девка с голоду или не съел ли ее какой-нибудь дикий зверь. Но велико было их удивление, когда они увидели, что женщина исчезла, а веревки, которыми она была привязана, остались на месте и все узлы были целы. Как раз на том месте, где стояла она, на земле лежала шкурка большой змеи. Тогда все люди поняли, что женщину с рыжими волосами взял черт. Вскоре после этого в селении Гаси стали один за другим умирать люди. Через год из ста домов осталось только сорок, потом двадцать. Напуганные гольды стали разбегаться по другим селениям. На Гаси остались только два старика, но и они поплатились жизнью. В один прекрасный день их обоих нашли мертвыми. С той поры это место было заброшено, и на нем никто не решался селиться вновь. Тогда мертвая шаманка стала бродить по другим селениям, появляясь то красным волком, то какой-нибудь невиданной птицей, странной рыбой в неестественно яркой окраске, то рыжей змеей, и каждый раз появление ее приносило какое-нибудь несчастье.

В это время заплакал ребенок. Я взглянул на часы. Была уже полночь. Все обитатели фанзы и кое-кто из гостей спали на канах. Старшина окликнул свою жену. Она поднялась, зевнула, почесала себе голову и полусонная стала кормить грудью ребенка. Попрошавшись с

хозяином, я надел шляпу и вышел на улицу. Собиралась всходить луна, и от этого на небе было светлее, чем на земле. Неподвижно-теплый и влажный воздух был наполнен поденками и комарами. Где-то очень далеко, должно быть на другом берегу Амура, виднелся огонь. Темная вода в протоке блестела холодным блеском стали. Отдаленный собачий лай, крик какой-то птицы в лесу и шорохи зайцев в траве будили чуткую тишину ночи.

В школе мои спутники давно уже спали. Я пробрался на свое место, но не мог уснуть. Меня беспокоили сведения, сообщенные гольдами. Они знали только стойбища своих сородичей и ничего не могли сообщить об удэгейцах, а также не знали, в бассейн какой реки мы попадем после перевала через Сихотэ-Алинь и скоро ли найдем туземцев по ту сторону водораздела. Наконец усталость начала брать свое, мысли стали путаться, и я незаметно погрузился в сон.

Двадцать девятого утром явились гольды. Утренний чай не отнял у нас много времени. Собрав все имущество, мы перешли на берег и разместились в лодках.

Когда имущество было уложено и все пассажиры сели на свои места, лодки отчалили от берега. Река Анюй в устье разбивается на шесть рукавов, образуя дельту, причем чистая его вода с такой силой входит в протоку Дырен, что прижимает мутную амурскую воду к противоположному берегу. Протока Дырен мелководна. Во многих местах на отмелях виднелись стволы деревьев с обломанными ветвями, принесенные сюда Анюем во время наводнения. Берега Амура и островов его состоят из чередующихся слоев песка и ила, но от села Пайхин вплоть до Троицкого в основе строения берегов и на дне Дыренской протоки лежат мощные слои окатанной гальки, нанесенной Анюем. Этой галькой заполнено также все низменное пространство правого берега в глубину километров на пять вплоть до возвышенностей Мыныму.

Раньше Анюй впадал около села Троицкого. От устья Мыныму он поворачивал к северовостоку и некоторое время тек вдоль хребта того же имени. Здесь можно видеть многочисленные его старицы, расположенные параллельными рядами и перпендикулярно к протоке Дырен. Между старицами также параллельными рядами расположились длинные релки, поросшие редколесьем из ильма. По ним видно, как Анюй постепенно отодвигался к юго-западу, пока не дошел до возвышенности пайхинского берега. Тогда началось заполнение Дыренской протоки. Недалеко то время, когда она совсем заполнится галькой. Бесчисленные множества отмелей и кос, выступающих на поверхность воды, уже налицо. Тогда Анюй пойдет по протоке к селению Торгон и будет впадать в Амур где-нибудь около острова Дондона.

Едва мы отчалили от берега, как вдруг откуда-то сбоку из-под кустов вынырнула оморочка. В ней стояла женщина с острогой в руках. Мои спутники окликнули ее. Женщина быстро оглянулась и, узнав своих, положила острогу в лодку. Затем она села на дно лодки и, взяв в руки двухлопастное весло, подошла к берегу и стала нас поджидать. Через минуту мы подъехали к ней.

Читатель, пожалуй, и не знает, что такое оморочка. Это маленькая лодочка, выдолбленная из тополя или тальника. Русское название «оморочка» она получила от двух слов – омо (один) и ороч (человек). Буквальный перевод, значит, будет «одночеловечка». Кроме того, русские иногда в шутку называют ее «душегубкой». Она очень неустойчива. От одного неосторожного движения она перевертывается, и неопытный человек попадает в воду.

Нашей новой знакомой было лет сорок пять. Она принадлежала к роду Камедига. Немного скуластое, смуглое, загорелое лицо, темно-карие, почти черные глаза и такие же черные волосы, заплетенные в две косы, острый подбородок, прямой нос с низкой переносицей – таков был ее облик. Движения ее были спокойны. Она держала себя с достоинством и на вопросы отвечала коротко. Одета она была как и все другие женщины ее племени, но без украшений. От своих спутников я узнал, что она была вдова и имела двух взрослых сыновей, из которых один пошел по делам на Хор, а другой отправился на охоту за сохатым. Узнав, кто я такой, она только мельком взглянула на меня и не проявила ни малейшего любопытства. Пого-

ворив немного, гольды взяли за шесты и пошли дальше. Женщина тоже оттолкнула свою оморочку от берега и затем встала на ноги. Легкое суденышко качалось и прыгало на волнах. Вдруг женщина подняла свой трезубец, метнула им в воду и тотчас подняла на воздух большую рыбину. Она сбросила ее в лодку и снова уперлась острогой в дно реки. Еще удар, и вторая рыбина запрыгала в лодке, а за ней последовала третья, четвертая...

«Вот так женщина! – подумал я, любуясь ловкостью ее движений. – Плыть через перекаты реки, стоя в оморочке, да еще бить острогой рыбу – на это не всякий и мужчина способен. Видимо, эта женщина прошла суровую жизненную школу».

За это время лодки разделились. Мы перешли к правому берегу, а женщина свернула в одну из протоков. К сумеркам мы достигли устья реки Люундани, по соседству с которой, немного выше, стояло две юрты. Дальше мы не пошли и тотчас стали устраивать бивак.

Было уже совсем темно. Мы сидели в односкатной палатке и смотрели на огонь, который весело пожирал сухие дрова. Я слушал рассказы гольдов о том, как жили они раньше. Мне живо представилась страна, заселенная гольдами, жизнь которых шла спокойно, пока не пришли к ним ниинка (китайцы) и лоца (русские). Они принесли болезни, спирт и деньги, погубившие впоследствии так много людей.

В это время на реке послышались тихие всплески, и вслед за тем из темноты вынырнула женщина на оморочке. Она пристала к берегу и втащила оморочку на берег. Подойдя к огню, она подала мне две большие рыбины и пару уток, которых тоже заколола острогой. Я поблагодарил ее и обещал дать ее сыновьям ружейных патронов, в которых, как я узнал, они очень нуждались.

Женщина покурила у нашего огня, потом пошла к своей лодке и скрылась в темноте. С минуту слышны были всплески двухлопастного весла.

Глава вторая. Вверх по Анюю

Мы плыли по таким узким протокам, что лодку в них нельзя было повернуть обратно. Они пересекали одна другую и делали длинные петли. Скоро я потерял ориентировку, так что мне уже не помогал и компас.

Наконец протоки кончились, и мы вошли в реку как-то сбоку, с южной стороны. Здесь течение было настолько быстрое, что о продвижении на веслах нечего было и думать. Гольды взялись за шесты. Такой способ передвижения – тяжелый труд. Работать приходится стоя. Для этого нужны сила, выносливость и умение. Положение лодки очень неустойчивое: она все время качается, надо соблюдать равновесие и внимательно смотреть вперед. С непривычки у новичка кружится голова, и всякое неосторожное движение может вызвать катастрофу. Поэтому гольды просили нас сидеть спокойно и не мешать им работать. Трудно сказать, какой здесь ширины Анюй, потому что он разбивается на протоки, отходящие в сторону, иногда километров на десять. Там, где несколько рукавов сливалось вместе, ширина реки была от двухсот до трехсот метров при быстроте течения около шести километров в час. Как и у всех горных рек, фарватер проходит то у одного берега, то у другого, вследствие чего и отмели располагаются по сторонам реки в шахматном порядке.

Древесная и кустарниковая растительность Нижнего Анюя не может похвастаться разнообразием. По обе стороны реки расстилаются поемные луга с одиночными деревьями и высокими кустами по берегам проток. Н. А. Десулави отметил в своем дневнике амурскую липу с дуплистым корявым стволом, с узловатыми ветвями и с цветами, издающими довольно сильный аромат, затем – пробковое дерево с серой морщинистой корой, бархатистой на ощупь. Оно имеет ярко-желтую заболонь и листву, по внешнему виду похожую на ивовую. Там и сям виднелась амурская сирень, растущая кустарником, но такой величины, что каждую ветвь, выходящую из земли, можно было бы назвать деревом. Сирень имела темную с белесоватыми пятнами гладкую кору и сильно пахучие белые цветочные кисти. Рядом с сиренью на солнцепеках росла калина, имеющая вид развесистого куста с крупными черешковыми листьями и цветами двух сортов: чашеобразные плодонесущие в середине и снежно-белые бесплодные по краям. Здесь также много было дикого винограда, цепляющегося за другие растения. Иногда он так разрастался, что под ним совершенно скрывалась листва того дерева, которое он избрал своей опорой.

Наши гольды все время лавировали от одного берега к другому, выбирая, где было не так глубоко и течение слабее. Когда лодка у поворота попадала в струю быстро идущей воды, где шесты не доставали дна, они брались за весла и гребли, что есть силы. Течение сносило лодку назад к другому берегу. Тогда гольды на шестах опять выбирались против воды до следующего поворота и опять переплывали реку. Время от времени они приставали к отмелям, чтобы отдохнуть и покурить трубки. В этот день мы прошли только восемь километров и рано расположились биваком около протоки реки Сырэн Катани.

Со стороны леса все время неслись какие-то протяжные звуки, похожие на крики коростеля, только более мелодичные. Я спросил гольдов, не знают ли они, кто их издает. Они ответили, что это кричит Мики, т. е. змея. Судя по описаниям их, это должен быть полоз. Они говорили с такой уверенностью, что я решил пойти по направлению услышанных звуков. Шагов через сотню я вышел на какую-то небольшую полянку. Звуки неслись как раз отсюда. Однако живое существо, издававшее их, было очень строгим и обладало хорошим слухом. Оно замирало или понижало крики и, видимо, прислушивалось к моим шагам. Это заставляло меня часто останавливаться и двигаться с большой осторожностью. Наконец я подошел к самым камышам и увидел, что внизу на земле толстым слоем лежала прошлогодняя трава. Как раз такие места любят большие полозы. И я и змея были настороже, оба прислушивались. Мики

замерла совсем, но я вооружился терпением и долго стоял на одном месте, не делая никакого движения. Вдруг совсем близко, справа от себя, я услышал шорох и действительно увидел какое-то большое пресмыкающееся. Оно ползло под сухой травой, и только иногда части его тела показывались наружу. И тотчас немного впереди опять раздался тот же звонкий звук, похожий на певучее хрипение. Затем все стихло. Долго я стоял, но криков более не повторилось. Я вернулся назад. Уже смеркалось совсем. Ночь обещала быть ясной и тихой. По небу плыли редкие облачка, и казалось, будто луна им двигалась навстречу. Со стороны высохшего водоема по-прежнему неслись те же тоскливые мелодичные крики, а на другом берегу дружным хором им вторили лягушки.

Пока варился ужин, я успел вычертить свой маршрут. Когда стемнело, Крылов, Чжан-Бао и Косяков пошли ловить рыбу. Небольшим неводком они поймали одного тайменя и одного сазана. Сопровождавшие нас гольды сообщили, что таймень в Анюю вообще попадает редко, а сазан довольно обычен в нижнем течении реки. Около устья в тихих заводях держатся щуки крупных размеров и сомы. Из лососевых по Анюю в массе идет только кета, горбуши нет вовсе.

Когда мы вернулись с рыбацкой ловли, было уже темно. На биваке горел большой костер. Ярким трепещущим светом были освещены стволы и кроны деревьев. За день мы все устали и потому рано легли спать. Окарауливали нас собаки.

На другой день гольды подняли всех на ноги при первых признаках приближающегося утра. Они торопили нас и говорили, что будет непогода. Действительно, по небу бежали большие кучевые облака с разорванными краями. Надо было ждать дождя.

В низовьях на протяжении тридцати километров Анюю течет с юго-востока к северо-западу; потом он делает большую петлю и поворачивает на запад, каковое направление и сохраняет до впадения своего в Амур. На этом участке в последовательном порядке от устья вверх по реке можно отметить следующие протоки и ориентировочные пункты. С правой стороны реки по течению река Мулому и недалеко от нее река Мыному, затем протока Перегдыма и местность Хохтоасо, а с левой стороны – небольшие протоки Далеко и Кутэ, затем протоки Сырэн Катани и Яука и местность Суарэн с пустым балаганом и протокой Хоулосу. В том месте, где Анюю делает поворот с востока к северо-западу, местность называется Баган (порусски «Балаган»). Восточнее ее находится устье протоки Кан.

Гольды хорошо знали реку и, где можно, сокращали путь, пользуясь протоками, иногда же, наоборот, предпочитали идти старицей, хотя она и была длиннее нового русла, но зато течение в ней было спокойнее. Туземцы не пропускали ни одной галечниковой отмели, которые они называли «песками», и вели им счет до фанзы Дуляля, конечного пункта их плавания по Анюю.

Низовья Анюя считаются самым мошкариным местом на Амуре. И действительно, этих крылатых кровопийц здесь было так много, что решительно нельзя было смотреть и дышать. Они лезли в глаза, в рот, набивались в уши. Без предохранительных сеток на лице и без нарукавников и перчаток работать на открытом воздухе решительно невозможно. Мошка принадлежит к двукрылым. Она имеет вид маленькой мухи, но с более длинными крыльями, чем у последней. Кроме того, головогрудь у нее явственно отделяется от брюшка, отчего она имеет некоторое сходство с осой. По-видимому, мошка сгрызает эпидерму с кожи и пьет выступающую наружу кровь, чем и объясняется сильнейший зуд в пораженных местах.

Приблизительно через час плавания мы достигли фанзы Дуляля. Она ничем не отличалась от других гольдских фанз Найхина, разве только меньшими размерами и более замысловатой резьбой. Когда лодки причалили к берегу, из дверей фанзы выбежали двое ребятешек пяти-шести лет. Они были в расстегнутых рубашках, без штанов и босиком. Трудно сказать, отчего их кожа имела такой смуглый оттенок: от загара, от копоти, от грязи, или это была ее естественная пигментация. Узнав, что в лодках сидят лоца, мальчишки вдруг сделали испуганные лица и убежали назад. Через минуту появился сам хозяин. Он протянул мне руку и помог

выйти на берег. В фанзе обитало трое мужчин, две женщины и трое детей. Опять началось угощение чаем и сухой юколой.

Гольды говорили, что назавтра надо ждать ненастья, потому что появилось много мошки и она больно кусалась. Они заметили также, что рыба в протоках всплывала на поверхность воды и хватала ртом воздух. Уже после полудня небо стало затягиваться паутиной слоистых облаков.

Когда стемнело, небо было совсем заволочено тучами. Пошел дождь, который не прекращался подряд двое суток. Видя, что ненастье принимает затяжной характер, я решил идти дальше, невзирая на непогоду. Отсюда амурские гольды возвратились назад, а на смену им взяли провожать меня обитатели фанзы Дуляля. Они говорили, что вода в реке может прибывать и тогда плавание на лодках станет совсем невозможным. Это были убедительные доводы.

Узнав о нашем решении, гольды тотчас стали собираться.

Но тут произошло курьезное событие. Хозяин фанзы, дотоле веселый и разговорчивый, вдруг рассердился. Он достал унты, которые вчера надел только один раз, и на подошве их уже оказались дырки. Он начал ругаться, потом схватил обувь и швырнул ее в угол. Скоро все разъяснилось. Унты бывают различной прочности. Обычно летом они носятся неделю-две, но эти проносились один день. Плохая примета! Унты разбираются в людях. Если человек, надевший их, пришелся им по душе, они будут носиться долго, если же нет – скоро сносятся. Хозяин фанзы был вне себя. Жена подала ему новые унты и затем с серьезным видом подняла на палку продырявленную обувь, вынесла ее из фанзы и бросила с руганью в сторону собак.

Наконец все было улажено. Как будто и дождь начал стихать. Гольды уложили грузы в лодки, указали места пассажирам, разобрали весла, шесты и тронулись в путь. Но погода нас обманула. После короткой передышки снова пошел дождь, и в завершение несчастья случилась авария. В одной из протоков гольды подошли к плавнику и как-то по неосторожности поставили лодку боком против течения. Вода тотчас хлынула через борт и в одно мгновение наполнила лодку до краев. К счастью, тут было мелко. Мы выскочили из лодки, на руках подтащили ее к берегу. От этой аварии особого несчастья не случилось, но весь груз наш промок, что вынудило нас раньше времени стать на бивак и просушивать на огне всю одежду.

Пройдя протоки Ерга и Кауаса, гольды причалили к берегу. Они стали опрavlять лодки и распределять запасные шесты и весла так, чтобы они всегда были под рукой. Гольды были чем-то озабочены. Когда мы поплыли дальше, один из гольдов, находившийся впереди лодки, часто вставал и подолгу всматривался вперед. Я спросил его, в чем дело. В ответ на это он сделал мне знак, чтобы я молчал. Я стал вслушиваться, и тотчас же ухо мое уловило какой-то шум. Он становился явственнее и определеннее. В это время гольд, стоявший в носовой части лодки, протянул вперед руку и произнес одно только слово «Иока». Я тоже поднялся на ноги и увидел огромный сулой в том месте, где две протоки сливались вместе. Сулой Иока имел вид большого водяного бугра, высотой до полутора метров и в диаметре около восьми метров. Здесь сталкивались два течения, идущие друг другу навстречу. Громадное количество воды, выносимое обеими протоками, не могло вместиться в русло реки. Ее вздымало кверху большим пузырем, который все время перемещался и подходил то к одному, то к другому берегу реки. Вода точно кипела и находилась в быстром вращательном движении, разбрасывая по сторонам белую пену. На вершине водяного бугра время от времени образовывалась громадная воронка. Она появлялась сразу, быстро увеличивалась в размерах, производила всасывающий звук и затем так же неожиданно исчезала. Гольды причалили к берегу и начали разгружать лодки. Часть гольдов принялась переносить грузы, а другая пошла осматривать и исправлять просеку, устроенную для переволока. Старые порубки и сильно потертый на земле колодник указывали, что переволок этот существует давно и не мы первые и последние пользуемся им, чтобы обойти опасный сулой стороной.

У гольдов были две охотничьи собаки. Мы заняли их места в лодках, и четвероногие пассажиры должны были теперь бежать по берегу и часто переплывать протоки. Первая встреча гольдских лаек с нашими собаками носила враждебный характер. Они недружелюбно поглядывали друг на друга, скалили зубы, но потом подружились и побежали вместе догонять лодки, успевшие уйти уже далеко вперед. Лайки бежали впереди, а наши собаки – сзади. Последний раз мы видели всех их на левом берегу Анюя и рассчитывали, что они прибегут после перелока. Но когда мы принялись перетаскивать лодки в обход сулоя, собаки появились на другой стороне. Лайки и две наши собаки побежали дальше, а одна лягавая поплыла прямо через Анюю. Напрасно казаки гнали ее прочь и бросали камнями. Она не замечала опасности и едва отделилась от берега, как сильная струя воды подхватила ее и понесла к сулою. Несчастное животное попало в водоворот и на наших глазах утонуло.

В этот день мы прошли только восемь километров и заночевали в стойбище Котофу Датани, состоявшем из трех юрт, в которых жило шесть мужчин, пять женщин и двое детей.

Перед сумерками я хотел было пройти вдоль берега с ружьем, но обилие мошкары принудило меня вернуться в фанзу. Рассчитывали мы отдохнуть и подкрепиться сном, но подверглись нападению несметного количества блох, не давших ни на минуту сомкнуть глаз. Когда стало светать, я оделся и вышел из фанзы.

Было холодно и сыро. Серое небо моросило дождем. В сухой протоке (позади гольдского жилища), которую я вчера перешел не замочив ног, появилась вода. Значит, Анюю начал выходить из берегов. Я вернулся назад и стал будить гольдов.

Часа через полтора мы покинули стойбище Котофу Датани и опять пошли на шестах против воды. В этих местах Анюю имеет широтное течение с легким склонением к северу. С левой стороны находятся два урочища, а выше их протока Колдони. Около устья последней приютилась еще одна гольдская фанзочка Сира. Я думал, что мы пройдем дальше, но усилившееся ненастье позволило пройти лишь до последней гольдской фанзы Тахсале.

Спустя часа полтора после нашего прибытия, когда мы сидели на канах и пили чай, в помещение вошла женщина и сообщила, что вода в реке прибывает так быстро, что может унести все лодки. Гольды немедленно вытащили их подальше на берег. Однако этого оказалось недостаточно. Поздно вечером и ночью еще дважды оттаскивали лодки. Вода заполнила все протоки, все старицы реки и грозила самому жилищу.

Это наводнение принудило нас просидеть на одном месте целую неделю. Томительно долго тянулось время. Я занимался этнографией и собирал сведения о гольдах и соседях их – удэхейцах. Между прочим, здесь я узнал, что Анюю в верховьях течет некоторое время вдоль западного склона Сихотэ-Алиня, охватывая истоки Хора, а после принятия в себя притока Гобилли, текущего ему навстречу, поворачивает на запад, уклоняясь то немного к северу, то к югу, и впадает в протоку Дырен. От гольдов я также узнал, что сородичи их живут только по нижнему течению реки, а удэхейцы – выше, до местности Улема, а в верхней половине Анюю совершенно необитаем. Далее те же гольды сообщили, что для того, чтобы достигнуть моря, нам потребуется времени по крайней мере суток тридцать.

Впоследствии я узнал, что не только наводнение являлось причиной нашей задержки, но были и другие обстоятельства. Дело в том, что гольды боятся Анюю и выше фанзы Тахсале никогда не заходят. Им было известно, что удэхейцы собирались спускаться на батах вниз по реке, и они решили здесь ждать их в Тахсале, чтобы передать нас, а самим ехать домой. Они не ошиблись в расчетах. Действительно, 9 июля сверху пришли удэхейцы на двух лодках.

В тот же день утром мы попрощались с гольдами и вручили судьбу свою в руки настоящих лесных людей, тогда еще мало затронутых цивилизацией.

Наши новые знакомые принадлежали к роду Кялондига. Старший из них был сорока лет, а другим было от двадцати до двадцати пяти лет. Лица их были настолько загорелы, что имели даже несколько оливково-красный оттенок. Удэхе носили по две короткие косы, туго обмо-

таные красными шнурами и украшенные золочеными пуговицами. Пожилой удэеец имел в левом ухе небольшую серебряную серьгу. Головных уборов ни у кого не было. Одежда их состояла из длинных рубах, сшитых из китайской синей дабы с застежками сбоку и подпоясанных тонкими ремешками с напуском по талии. На ногах у них были надеты короткие узкие штаны и наколенники из той же дабы. В общем костюмы удэеицев, орнаментированные спиральными и волнистыми линиями, напоминающими рога оленей, имели вид красивый и элегантный.

Лодка лесного жителя представляет собой нечто вроде длинного долбленого корыта с плоским дном, скошенной кормой и прямой стенкой на носу. От этой стенки, составляющей одно общее с днищем, выдается вперед нос в виде большой деревянной лопаты. Он имеет несколько овальную форму и от воды подымается кверху так, что конец его приходится на уровне с бортами лодки. Такая лодка называется «улимагда» и долбится из тополя. Она легка, удобоуправляема и сконструирована так, что не режет, а взбирается на воду и может проходить через самые мелкие перекаты. Длина улимагды среднего размера – 5–6 метров, высота – 50–60 сантиметров и грузоподъемность при двух пассажирах – около 10–35 пудов. Кладь распределяется равномерно по всей длине лодки. Пассажиры садятся на берестяную подстилку, положенную прямо на дно. Чтобы борта не распирали, они в нескольких местах скреплены поперечинами. Удэеицы помещаются на носу и на корме.

Грузный вид имела теперь река: все острова и мели были покрыты водою, течение усилилось до десяти километров в час.

После столь длительного ненастья как будто установилась хорошая погода. Теплые солнечные лучи оживили природу. На листьях деревьев и в траве искрились капли дождевой воды, которую еще не успел стряхнуть ветер; насекомые носились по воздуху, и прекрасные бабочки с нежно-фиолетовой окраской реяли над цветами. Казалось, они совершенно забыли о вчерашнем ненастье, вынудившем их, как и нас, к бездействию в течение семи долгих суток.

Удэеицы работали шестами сильно и, насколько позволяла большая вода, довольно скоро подвигались вперед.

После фанзы Тахсале с правой стороны (по течению) реки будут лесистые местности Конко и Ади, немного выше небольшая протока Дуйдальдо и против нее речка Хаскандяони с урочищем Мазампо.

В полдень мы сделали большой привал. Хорошая погода, красивая река, встреча с удэеицами подняли настроение моих спутников. Вчерашние невзгоды были забыты.

В ожидании, когда сварится обед, я немного углубился в тайгу, чтобы ознакомиться с растительностью. Прежде всего мне в глаза бросился маньчжурский ясень, ствол которого легко узнать по правильно расположенной вдоль коры трещиноватости и по ланцетовидным остроконечным листьям. Тут же рос вяз с характерной светло-синеваой корой. Древесина вяза содержит в себе, по-видимому, много воды. Пуля ружья, пробивающая два-три сухих дерева насквозь, редко пройдет сквозь один вяз, если он имеет полтора-два обхвата в окружности. Потом я увидел амурскую липу. Я узнал ее по толстому приземистому стволу, большим угловатым сучьям и блестящей темной листве. Несколько в стороне от нее виднелся прямой ствол маньчжурского ореха. Крупные листья его расположены розетками по концам ветвей, отчего каждая из них похожа на пальму. Вероятно, здесь росли и другие представители маньчжурских широколиственных пород, но я вынужден был прекратить свою ботаническую экскурсию, побуждаемый к тому криками моих спутников, приглашавших меня вернуться на бивак поскорее. Подлесок здешней тайги состоял из сорбарии. Она только что начинала цвести. В тех местах, куда проникали солнечные лучи, произрастала сибирская вероника с шестью сидячими (розеткой) продолговато-ланцетовидными листьями и бледно-фиолетово-синими цветами, вроде остроконечных султанчиков. Я торопился и замечал только то, что случайно мне бросалось в глаза. В одном месте я заметил какую-то крупную чемерицу с большими остро-

конечными плойчатými листьями и темными цветами. В стороне мелькнули папоротники с вайями, весьма похожими на страусовые перья, и всюду в изобилии рос амурский виноград с шелушащейся корой коричневого цвета. Он окутывал кустарники и взбирался на деревья повыше к солнцу.

На привале все уже было готово, задержка была только за мной. Наскоро я выпил кружку полугорячего чая и велел укладывать вещи в лодки.

Удэхейцы шли больше протоками и избегали главного фарватера. Иногда они проводили лодки через такие узкие места в колоднике, что лодки задевали сразу обоими бортами. Я любовался их находчивостью и проворством. Они часто пускали в ход топоры, прорубали в плавнике узкую лазеечку и неожиданно выходили снова на Анюй.

По словам наших проводников, река часто выходит из берегов и затопляет лес. Тогда удэхейцы бросают свои юрты и стараются спуститься к Амуру. Случается, что в течение целого дня они не могут найти сухого места, чтобы развести огонь. Спать и варить пищу приходится в лодках.

Вскоре мы миновали речку Моды и местность Хельдиони, потом прошли протоки Сюада, Кузыгзе и Чугудуони и засветло прибыли в стойбище Хонко, расположенное около сопки, носящей то же название.

Пользуясь свободным временем, я оставил своих спутников устраивать бивак, а сам поднялся на горы. Я шел по прекрасному смешанному лесу с примесью кедра. Вершина сопки Хонко оказалась плоской. Это вынудило меня взобраться на дерево. Прежде всего я увидел, что гора Хонко была конечной вершиной длинной гряды, которая шла к юго-западу и, по видимому, служила водоразделом между рекой Хор и бассейном части Нижнего Амура (от Хабаровска до Анюя). С этой стороны в поле моего зрения была небольшая долина реки Моды с притоком Чу! От горы Хонко Анюй сильно забирает к северо-востоку и подмывает правый край этой долины.

К западу, насколько хватает глаз, расстилалось море лесов. Кое-где между деревьями блистала вода. Внизу у подножия сопки приютился наш отряд. Лодки были вытаснены подальше на отмель, чтобы ночью не унесло их водою. На биваке горел костер. От него тонкой струйкой кверху поднимался дымок.

Я спустился с дерева и хотел было идти назад, как вдруг увидел какую-то большую птицу и тотчас узнал в ней скопу. Она была белого цвета с черными концами крыльев и темными пятнами по всему телу. Скопа держала в лапах рыбку и летела к сухостойному дереву, на вершине которого было ее гнездо. Желая лучше рассмотреть птицу, я стал осторожно продвигаться вперед, но птица бросила свою добычу и полетела прочь. Рыба стала падать с ветки на ветку и застряла на одном сучке. Когда я подошел к дереву, то увидел, что корни его сильно запачканы птичьими экскрементами и на земле валялось еще четыре дохлые рыбы, издававшие зловоние. Как я ни старался разглядеть молодых скоп, они не показывались. Птенцы видели испуг матери и притаились.

Потом я заметил большого ворона. Наподобие хищной птицы, он парил в воздухе. Я узнал его по мелодичному карканью. Ворон описывал спиральные круги и поднимался все выше и выше. Скоро ветви деревьев заслонили небо, и я совсем потерял его из виду.

Около небольшой проточки из зарослей вылетели два рябчика. С характерным шумом поднялись они с земли и, спрятавшись в чаще, стали перекликаться между собой. Скоро я нашел одного рябчика. Он медленно ходил по ветке ясеня, вытягивал шейку, прислушивался и начинал свистеть. Я спугнул рябчика неосторожным движением, и он улетел дальше – в чащу леса. Когда я подходил к реке, то вдруг увидел что-то яркое и синее, мелькнувшее около самой воды. Это оказался зимородок. Отлетев немного, он опять уселся в лозняке. Здесь я мог его хорошо рассмотреть. Небольшая птичка, казалось, сгорбилась и как будто спрятала голову в плечи, выставив вперед только длинный клюв. Общая окраска ее была буровато-красная с

синевой по бокам. Я сделал еще два шага и спугнул птичку. В воздухе опять мелькнула изумрудно-синяя спинка. Зимородок издал слабый крик и исчез в прибрежных кустах.

Когда я подходил к биваку, солнце только что скрылось за горизонтом. За горами его не было видно, уже чувствовалось приближение сумерек.

Мои спутники были все в сборе. После ужина меня стало клонить ко сну. Завернувшись в одеяло, я лег около огня и сквозь дремоту слышал, как Чжан-Бао рассказывал казакам о Великой Китайской стене, которая тянется на 7000 ли и которой нет равной во всем мире.

По ассоциации я вспомнил вал Чакири Мудун, который начинается где-то около Даубихе в Уссурийском крае и на многие десятки километров тянется сквозь тайгу с востока на запад. Вот он поднимается на гору, дальше контуры его становятся расплывчатыми, неясными, и наконец он совсем теряется в туманной мгле...

Наутро я проснулся раньше других. Костер погас. Казаки спали вповалку, прикрывшись одним полотнищем палатки. Удэхейцы устроились на ночь под лодками.

Часа через полтора мы снова плыли вверх по Анюю. Теперь горы подошли к реке с правой стороны. Здесь находится перевал в долину реки Мыному, о котором говорилось выше. С другой стороны тянется длинная и живописная протока Пунчи. В нее впадает речка Ачжю, против устья которой находится небольшое стойбище удэхейцев того же названия. Пунчи местами разбивается на несколько мелких рукавов, заваленных колодником и весьма опасных во время наводнения. Левый берег протоки скалистый. У подножия береговых обрывов в глубоких водах держится много рыбы, преимущественно ленков.

Двадцать четвертого июля мы достигли местности Улема, где были расположены пять юрт. Здесь от удэхейцев я узнал, что с Анюя на реку Хади попасть нельзя, что верховья первой соприкасаются на севере с бассейном Хуту, а на юге с реками Копи и Самаргой. Хади же – небольшая речка, по которой никто не передвигается ни летом, ни зимой. Передо мной встал вопрос: идти на Копи или же на Хуту? Я выбрал последнее. На другой день я хотел было идти дальше, но в это время с одним из наших проводников сделался припадок. Он валялся на земле и кричал «Анана! Анана!» (т. е. «Больно! Больно»). Все остальные удэхейцы отнесли к больному очень сочувственно и всячески старались облегчить его страдания. Тотчас на Ачжю были посланы два человека. В сумерки они вернулись и привезли с собою шамана из рода Кимунка. Это был мужчина среднего роста, лет пятидесяти от роду, весьма молчаливый. Загорелое лицо его, смуглое с красноватым оттенком, было лишено усов и бороды. Он носил длинные волосы, заплетенные в одну косу, и был одет в свой национальный костюм, лишенный вышивок и каких бы то ни было украшений.

Женщины встретили старика на берегу и отнесли в юрту его вещи. Войдя в помещение, шаман сел на циновку и закурил трубку. Удэхейцы стали ему рассказывать о больном. Он слушал их с бесстрастным лицом и только изредка задавал вопросы. Потом он велел женщинам принести несколько камней, а сам пошел тихонько вдоль берега.

Я стал следить за ним глазами. Шаман часто останавливался, как будто что-то искал на земле, всматривался в воду и озирался по сторонам. Первое живое существо, какое он заметит, должно быть севоном (изображением духа), который может бороться с недугом. Спустя несколько минут он воротился и сообщил, что видел «соксоки» (коршуна). Затем он взял принесенные камни и высыпал их на землю раз-другой и смотрел, как они располагаются по отношению к юрте, где находился больной, и по отношению друг к другу. Это был своего рода гороскоп. Выбрав один из камней, он перевязал его жильной ниткой, конец которой взял в правую руку. Потом шаман сел на землю, скрестив ноги. Один из удэхейцев накрыл ему голову какой-то тряпицей. Шаман поднял камень с земли и дал ему «успокоиться». Долго он сидел в неподвижной позе и, казалось, задремал. Впоследствии я узнал, что в это время он мысленно перебирал всех известных ему севонов, в образе которых злой дух мог вселиться в человека. При упоминании виновного севона камень должен прийти в движение. Прошло несколько

минут, и вот камень в опытной руке шамана пошевелился. Шаман так ловко устраивал свои фокусы, что камень стал медленно поворачиваться сначала в одну, потом в другую сторону. Севон «злого духа» был найден. Это лисица – «чигали». Шаман встал и направился к юрте больного. Когда последний увидел приближающихся людей, он стал еще более метаться и кричать. Началось камлание. Старик надел на себя пояс с позвонками, в левую руку взял большой бубен, а в правую колотушку, имеющую вид выгнутой пластинки, обтянутой мехом выдры и оканчивающейся ручкой, украшенной на конце резной головой медведя. Шаман стал петь свои заклинания сначала тихо, а потом все громче и громче. Он неистово бил в бубен и потрясал позвонками. Больной пришел в сильное волнение. Несколько человек держали его за ноги и за руки. В это время один из удэгейцев принес в юрту грубое изображение лисы, сделанное из травы, и поставил его около огня. Шаман с пляской подошел к больному. Он наклонился к нему и стал колотушкой как бы снимать со своего пациента болезнь и переносить ее на травяное чучело, а затем вдруг закричал громко и протяжно «эхе-хс-э». Тогда «чигали» вынесли из юрты и спрятали где-то в лесу, а около больного воткнули в землю палочку, к концу которой было привязано изображение коршуна, вырезанное из бересты. Минут через двадцать больной, очевидно ослабевший после острого нервного возбуждения, стал успокаиваться и скоро погрузился в сон.

На другой день он был так слаб, что не мог нам сопутствовать. Нечего делать, пришлось продневать еще один день. Тогда я решил отправиться на экскурсию по правому берегу реки. Отойдя от стойбища шагов триста, я вышел на отмель, занесенную песком. Здесь мое внимание привлекли к себе небольшие жуки светло-шоколадной окраски с белыми пятнышками на надкрыльях. Они хорошо летали, проворно бегали по песку и ловко прыгали. Жуки были все время настороже. При каждой моей попытке приблизиться к ним они поднимались на воздух и, отлетев немного в сторону, снова садились на песок. Тогда я решил не двигаться и ждать, когда они сами приблизятся ко мне. Так и случилось. Жуки двигались порывами, останавливались и делали неожиданные прыжки в стороны. Они охотились за насекомыми, которых тут же и пожирали. Вдруг около моих ног кто-то с размаху ударился о землю. Большая оса-охотница напала на паука. Повалив его на землю, она подогнула брюшко и дважды уколола его своим жалом. Мгновенно паук был парализован. Затем оса схватила свою жертву челюстями и, придерживая ее лапками, поднялась на воздух. Парализованный паук предназначался на корм личинке.

Около самой воды над какой-то грязью во множестве держались бабочки средней величины кирпично-красного цвета с темными пятнышками на крыльях. Они все время то раскрывали, то закрывали крылышки, и тогда чешуйки на них переливались синими и лиловыми тонами.

Иногда над рекой пролетали дивной красоты махаоны с черно-синими передними и изумрудно-синими с металлическим блеском задними крыльями. Последние имели длинные отростки на концах. Все же здесь на Анюе они не достигали таких размеров, как в Южно-Уссурийском крае.

Из царства пернатых я заметил крохалей. Было как раз время линьки. Испуганные птицы не могли подняться на воздух. Несмотря на быстроту течения реки, они удивительно скоро перебежали вверх по воде, помогая себе крыльями, как веслами.

Случайно я поднял глаза к небу и увидел двух орлов: они плавно описывали большие круги, поднимаясь все выше и выше, пока не превратились в маленькие точки. Трудно допустить, чтобы они совершали такие заоблачные полеты в поисках за кормом, трудно допустить, чтобы оттуда они могли разглядеть добычу на земле. По-видимому, такие полеты являются их органической потребностью.

На обратном пути я увидел трясогузку. Миловидная птичка стояла на камешке около самой воды и грациозно помахивала своим хвостиком. Вдруг она поднялась на воздух и как-то

странно стала летать, то бросаясь вперед, то держась на одном месте и трепеща крыльями. Трясогузка ловила какое-то насекомое. Видно было, как она старалась схватить его и как будто клевила воздух. По-видимому, трясогузка или поймала насекомое, или испугалась меня, потому что вдруг бросилась в сторону и полетела вдоль берега, то снижаясь к воде, то снова поднимаясь кверху. Около полудня я возвратился на бивак и занялся вычерчиванием съёмки.

Выйдя из палатки, я увидел, что Чжан-Бао и удэхеец Маха куда-то собираются. Они выбрали лодку поменьше и вынесли из нее на берег все вещи, затем положили на дно ее корье и охапку свеженарезанной травы. На вопрос мой, куда они идут, Чжан-Бао ответил:

– Фан-чан Да-лу (оленья стрелять).

Я высказал желание присоединиться к ним. Он передал мою просьбу удэхейцу, тот мотнул головой и молча указал мне место в середине лодки. Через минуту мы уже плыли вверх по Аною, придерживаясь правого берега реки.

Смеркалось... На западе догорала последняя заря. За лесом ее не было видно, но всюду в небе и на земле чувствовалась борьба света с тьмою. Ночные тени неслышными волнами уже успели прокрасться в лес и окутали в сумрак высокие кроны деревьев. Между ветвями деревьев виднелись звезды и острые рога полумесяца.

Через полчаса мы достигли протоки Ачжю. Здесь мои спутники остановились, чтобы отдохнуть и покурить трубки. Удэхеец что-то тихонько стал говорить китайцу; указывая на протоку, и дважды повторил одно и то же слово: «Кя(н)га». Я уже начинал понемногу овладевать языком удэхейцев, обитающих в Уссурийском крае, и потому без помощи переводчика понял, что дело идет об охоте на изюбра, который почему-то должен был находиться в воде. За разъяснениями я обратился к Чжан-Бао. Он сказал, что в это время года изюбры спускаются с гор к рекам, чтобы полакомиться особой травой, которая растет в воде по краям тихих лесных проток. Я попросил показать мне эту траву. Удэхеец вылез из лодки и пошел искать ее по берегу. Через минуту он вернулся и на палке принес довольно невзрачное растение с мелкими листочками. Это оказался водяной лютик.

Покулив трубку, Чжан-Бао и Маха нарезали ножами древесных веток и принялись укреплять их по бортам лодки, оставляя открытыми только нос и корму. Когда они кончили эту работу, последние отблески вечерней зари погасли совсем; воздух заметно потемнел, и на землю стала быстро спускаться темная ночь.

– Капитан, – обратился ко мне Чжан-Бао, – твоя сиди тихо, говори не надо.

Затем мы разместились так: сам он сел впереди с ружьем, я посредине, а удэхеец – на корме с веслом в руках. Шесты были положены по сторонам, чтобы они по всякую минуту были под руками. Когда все было готово, Маха подал знак и оттолкнул веслом челнок от берега. Лодка плавно скользнула по воде. Еще мгновение, и она вошла под темные своды деревьев, росших попеременно с кустарниками по обеим сторонам протоки. Удэхеец два раза гребнул веслом и затем предоставил нашу утлую ладью течению. Не вынимая весла из воды, он легким, чуть заметным движением руки направлял ее так, чтобы она не задевала за коряжины и ветви деревьев, низко склонившихся над протокой. Сначала мне показалось, что лодка стоит на месте, но вскоре я заметил, что берег медленно движется нам навстречу. Темные силуэты кустов и бурелом, нанесенный бог знает откуда водою, один за другим появлялись из темноты и бесшумно, словно привидения, проходили, скрываясь снова за поворотом протоки.

Ночь была необычайно тихая. В великом безмолвии чувствовалось какое-то напряжение.

Чжан-Бао весь превратился в слух и внимание; я сидел неподвижно, боясь пошевелиться, удэхейца совсем не было слышно, хотя он и работал веслом. Лодка толчками продвигалась вперед и легонько покачивалась на воде. Впереди ничего не было видно, и в тех случаях, когда мне казалось, что протока поворачивает направо, удэхеец направлял лодку в противоположную сторону или шел прямо в кусты. Удэхеец хорошо знал эти места и вел лодку по памяти. Один раз Чжан-Бао сделал мне какой-то знак, но я не понял его. Вслед за тем Маха

положил мне весло на голову и слегка надавил им. Я тогда сообразил, в чем дело, и едва успел пригнуться, как совсем близко надо мною пронесся сук большого дерева, растущего в сильно наклоненном положении. Лодка нырнула в темный коридор, одна ветка больно хлестнула меня по лицу. Я закрыл глаза; кругом слышался шум волн, и вдруг все сразу стихло. Я оглянулся назад и среди зарослей во мраке не мог найти того места, откуда мы только что вышли на широкий спокойный плёс. Он показался мне сначала озером, но потом я ясно различил оба берега, покрытых лесом. В это время Чжан-Бао легонько толкнул челнок рукою в правый борт; удэ-хеец понял этот условный знак и тотчас повернул лодку к берегу. Через минуту она тихонько скрипнула дном по песку. Я хотел было спросить, в чем дело, но, заметив, что мои спутники молчат, не решился говорить и только осторожно поправил свое сиденье.

Берег, к которому мы пристали, был покрыт высокими травами. Среди них виднелись какие-то крупные белые цветы, должно быть пионы. За травой поднимались кустарники, а за ними – таинственный и молчаливый лес.

Вдруг направо от нас раздался шорох, настолько явственный, что мы все трое сразу повернули головы. На минуту шум затих, затем опять повторился, на этот раз еще явственнее. Я даже заметил, как колыхалась трава, словно кто шел по чаще, раздвигая густые заросли. При той тишине, которая царила кругом, шум этот показался мне очень сильным. Чжан-Бао приготовил ружье и караулил момент, когда животное покажется из травы, но удэ-хеец не стал дожидаться появления непрошеного гостя: он проворно опустил весло в воду и, упершись им в песчаное дно, плавным, но сильным движением оттолкнул лодку на середину протоки. Течение тотчас подхватило ее и понесло снова вдоль берега. Отойдя метров двести от места первого причала, мы опять подошли к зарослям. Только что лодка успела носом коснуться берега, как опять послышался шорох в траве. Тогда Чжан-Бао два раза надавил на левый борт лодки. По этому сигналу удэ-хеец, отведя немного лодку от берега, стал бесшумно сдерживать ее веслом против воды, время от времени отдавая на волю течения. Шум по берегу в зарослях следовал параллельно нам. Стало ясно, что таинственный зверь следил за нашей лодкой. Потом он стал смелее, иногда забегал вперед, останавливался и поджидал, когда неизвестный предмет, похожий на плавник с зелеными ветвями, поравняется с ним, и в то же время он чувствовал, быть может, и видел, что на этом плывущем дереве есть живые существа.

Я не спускал глаз с берега и по колыхающейся траве старался определить местонахождение зверя. Один раз мне показалось, что я вижу какую-то длинную тень, но я не уверен, что это действительно было животное. Вдруг Чжан-Бао шевельнулся и стал готовиться к выстрелу. Впереди, шагах в двухстах от нас, кто-то фыркал и плескался в реке.

Широкая протока здесь делала поворот, и потому на фоне звездного неба, отраженного в воде, можно было кое-что рассмотреть. Китаец быстро поднял вверх руку, и удэ-хеец сразу поставил лодку в такое положение, чтобы удобно было стрелять. В это мгновение я увидел изюбра. Благородный олень стоял в воде и время от времени в холодную темную влагу погружал свою морду, добывая со дна водяной лютик. Лодка, влекомая тихим течением, медленно приближалась к животному. Но вот изюбр насторожился, поднял голову и замер в неподвижной позе. Слышно было, как с морды его капала вода.

Вдруг в кустах, как раз против нашей лодки, раздался сильный шум. Таинственное животное, все время следившее за нами, бросилось в чашу. Испугалось ли оно, увидев людей, или почуяло оленя, не знаю. Изюбр шарахнулся из воды, и в это время Чжан-Бао спустил курок ружья. Грохот выстрела покрыл все другие звуки, и сквозь отголосок эха мы все трое ясно услышали тоскливый крик оленя, чей-то яростный храп и удаляющийся треск сучьев. С песчаной отмели сорвались кулички и с жалобным писком стали летать над протокой.

Когда все смолкло, Маха направил лодку к тому месту, где был изюбр, но там оказалось мелко. Пришлось спуститься еще на несколько метров, и только тогда явилась возможность пристать к берегу. Оба охотника тотчас пошли за берестой, а я остался около лодки. Прошло

несколько минут, а они все еще не возвращались. Вдруг влево от меня зашевелилась трава. Мне стало жутко, но в это время послышались голоса. Я поборол чувство страха и пошел навстречу своим спутникам. Из принесенного березового корья удэхеец сделал факел. Разжегши его, мы пошли посмотреть, нет ли крови на оленьих следах. Крови не оказалось, значит, Чжан-Бао промахнулся. Придя назад к берегу, Маха положил факел на землю и бросил на него охапку сухих веток. Тотчас вспыхнуло яркое пламя, и тогда все, что было в непосредственной близости, озарилось колеблющимся красным сиянием.

Чжан-Бао и удэхеец набили свои трубки и принялись обсуждать происшедшее. Оба были того мнения, что зверь, следовавший по берегу за лодкой, был тигр. Китаец называл его «Ломаза», а удэхеец – «Куты-Мафа». Благодаря ему изюбр сорвался с места, прежде чем Чжан-Бао выследил его как следует, потому и пришлось стрелять раньше времени. Он был недоволен, ругал тигра и в сердцах сплевывал на огонь. Удэхеец волновался, но не потому, что охота была неудачной, а по другой причине. Ругань по адресу тигра и плевки в огонь казались ему двойным святотатством.

– А та тэ-э, манга-мангала би (т. е. «Ай, ай, совсем плохо»), – говорил он не то со страхом, не то с сожалением, поправляя огонь и как бы своим вниманием к нему стараясь парализовать оскорбление, нанесенное плевками китайца.

Чжан-Бао не унимался, а удэхеец был не на шутку встревожен поведением своего товарища. Я увидел, что пришло время вмешаться в разговор.

– Ничего, – сказал я Чжан-Бао, – не надо сердиться. На этот раз неудача, зато в другой раз будет успех. Не убили изюбра, зато если не видели, то слышали близкое присутствие тигра.

Мои слова, видимо, успокоили китайца. Он перестал ругаться и начал шутить; развеселился и Маха. Через полчаса мы стали собираться домой. Удэхеец охапкою мокрой травы прикрыл тлеющие уголья, а сверху засыпал их песком. Затем мы сели в лодку. Маха оттолкнул ее от берега и на ходу сел на свое место. Мои спутники взялись за весла. Теперь мы плыли скоро и громко разговаривали между собою. Я оглянулся назад: тонкая струйка беловатого дыма от притушенного костра поднималась еще кверху. На гладкой и спокойной поверхности воды виднелись след от лодки и круги, оставленные испуганными рыбами. Большая ночная птица бесшумно летела вдоль протоки, но, догнав лодку, метнулась в сторону и через мгновение скрылась в тени прибрежных кустарников.

Приблизительно с километр мы еще плыли широким плесом. Затем течение сделалось быстрее, протока стала суживаться и, наконец, разбилась на два рукава: один – большой – поворачивал направо, другой – меньший – шел прямо в лес. Лодка, направляемая опытной рукой Маха, нырнула в заросли, и мы сразу очутились в глубокой тьме. Впереди слышался шум воды на перекатах.

– Анюй, – лаконически сказал удэхеец. И действительно, мы вдруг совершенно неожиданно вышли на реку. Теперь нам предстояло подняться против воды. Мои спутники оставили весла и взялись за шесты.

Несмотря на неудачу, я был очень доволен поездкой. Скоро мы миновали какие-то утесы, обогнули галечниковую отмель, а за ней опять подошли к берегу, заросшему низкорослыми ивняками. Дальше за кустами на фоне темного неба, усеянного миллионами звезд, вырисовывались кроны больших деревьев с узловатыми ветвями: тополь, клен, осокорь, липа, все они стали теперь похожи друг на друга, все приняли однотонную, не то черную, не то буро-зеленую окраску. На правом берегу показался громадный кедр. Он был единственным в этой местности и, словно гигантский часовой, охранял «порядок» в лесу. Кедр смотрел величаво и угрюмо, точно он был недоволен сообществом лиственных деревьев и через вершины их всматривался в даль, где были его сверстники и собратья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.